

- Борис Львович, добрая половина вами написанного посвящена войне. У такого пристрастия есть свои особые корни?

- Я из семьи потомственных военных, и отец даже одно время обижался на меня за то, что я ушел из армии, тем самым изменив династию. Мой пращур по материнской линии, генерал-лейтенант Илья Иванович Алексеев, был героем войны 1812 года. В Эрмитаже есть его портрет работы Доу. После реставрации Кремлевского дворца, когда я с группой писателей осматривал Георгиевский зал, то впервые увидел именную доску деда, которую раньше нельзя было разглядеть. Род Алексеевых был довольно известным в XIX веке. Сын генерала Саша Алексеев дружил с Пушкиным, его внук Василий Алексеев - со Львом Толстым, а его брат - мой дед - один из основателей кружка чайковцев. Отец - командир роты в Первую мировую, заместитель командира полка в Гражданскую.

- Реплика из кинофильма «Офицеры» «Есть такая профессия - Родину защищать!», говорят, вами лично придумана?

- Ее, конечно, сформулировал я, но сама мысль витала в атмосфере нашей семьи.

- В детстве вы задумывались о возможной писательской судьбе?

- В нашей семье к литературе относились с уважением. Когда я был маленьким, мне читала старшая сестра. А с пяти лет уже сам начал. Родители меня готовили в школу, как в гимназию. Мама с бабушкой учили французскому, отец - немецкому. Только языки мне не очень давались. Но я потом много ездил по миру и всегда обходился без переводчиков.

- Как на вас улица повлияла?

- Драться приходилось часто. Кастетом два передних зуба вышибли. Но у меня никакого оружия не было. Отец сказал, что защищаться я должен только кулаками: «Дерись и ничего не бойся - не убьют. Ну морду разобьют, ну зубы вышибут». Воспитание я получил довольно суровое. Отец меня так вышколил, что, когда я добровольцем пошел на фронт, армия показала отдыхом. Я с детства был приучен к жесткому расписанию. Подъем, прием пищи, отбой - все в точно обозначенное время. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Мне потом в жизни эта выучка очень помогла. Установленный отцом регламент я и по сей день неукоснительно соблюдаю.

- А на улице я дружил с беспризорниками. Они, конечно, были людьми опасными и могли запросто «на хопок» прохожего обворовать, но мне казались дружными и смелыми ребятами. Здорово помогали в драках против больших компаний дворовой шпаны. Они, тогдашние, сильно отличаются от нынешних. Наркотиков не было. Вот только курить меня научили в девять лет.

- Какой день войны стал для вас самым страшным?

- Это был день моего ранения под Вязмой - 16 марта 43-го. Умирать буду, вспомню. Нас тогда выбросили парашютным десантом в открытое поле. На каждом было по 40 килограммов снаряжения. Наверное, поэтому ветер нас не разбросал, мы приземли-

лись кучно. В темноте я услышал два свистка командира, что обозначало: все ко мне. И я побежал во главе 28 человек своего взвода вдоль противотанкового рва. За очередным его изгибом успел увидеть только яркую вспышку. Очнулся уже в машине. Перед глазами тьма, ничего не слышал, руки тряслись, не мог слова вымолвить и пошевелить ногами - сильнейшая контузия. В костромском госпитале - спасибо им - меня выжили. На этом война для меня закончилась.

Борис ВАСИЛЬЕВ:

МНЕ РАЗРЕШАЛИ ДРАТЬСЯ ТОЛЬКО КУЛАКАМИ

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ В ДЕТСТВЕ ДРУЖИЛ С БЕСПРИЗОРНИКАМИ

Недавно Борис Васильев отметил свой 80-летний юбилей. Автор широко известных книг «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», «Завтра была война», «Не стреляйте в белых лебедей», «Вы чье, старище?..» не любит суетной столичной жизни и уже 30 лет почти безвыездно живет со своей женой на зимней даче в дальнем Подмоскowie, общаясь с миром все больше посредством телефона и Интернета. На девятом десятке писатель остается по-военному собранным и дисциплинированным.

- Почему вы занялись литературным трудом только после 30 лет?

- Для меня тогда посягнуть на это было все равно что сесть за один стол со Львом Николаевичем Толстым. Так я был воспитан. Да я и не собирался быть писателем. Мечтал заниматься историей. Всегда любил ее и сейчас с удовольствием в нее погружаюсь. Если бы не война, то, может, и не было бы писателя Васильева. Но я всегда читал запоем все подряд. Первое, что я сделал, очнувшись в госпитале после контузии, прошептал: дайте мне книжку. Помню, перед глазами плыл туман, из которого доносился голос нянечки: мальчик, какая тебе книжка, ты в себя прити сначала.

- В 1948 году я окончил 2-й инженерно-танковый факультет Военной академии бронетанковых и механизированных войск имени Сталина и стал военным инженером-испытателем. Кстати, и моя жена, Зоря Альбертовна, тоже училась со мной.

- Если не секрет, что именно вы испытывали?

- Уже не секрет. В качестве военного представителя на Горьковском автозаводе испытывал бэтээры, те самые, что и сейчас остаются на вооружении в нашей армии, а на Уралмаше - легкую самоходку с поворачивающейся для стрельбы на 360 градусов башней и созданный на ее основе гусеничный транспортер. Каждую модель нужно было «прокатать» на 20 тысяч километров по разным грунтам.

- Почему оставили армию?

- На моих глазах развернулся масштабный конфликт. В послевоенную армию стали приходить не нюхавшие пороха, но более образованные молодые выпускники военных вузов. Однако увещанные боевыми наградами офи-

церы-фронтовики встречали их настороженно, а порою просто создавали для них невыносимые условия. Вот о таком невоевавшем офицере я и решил рассказать. И написал об этом пьесу. Мне казалось, что это несложно: слева пишешь, кто говорит, справа - что говорят. Пьесу назвал «Офицер» и отослал в московский Театр Советской армии. Дней через десять театр вызвал меня телеграммой из Горького, где я тогда служил. Я взял два дня отпуска и приехал в гражданском костюме

на аудиенцию к главрежу Алексею Попову. Он мне тогда сказал замечательную фразу: пьесы пишут, стоя на сцене, а ты написал, сидя в партере. А когда он узнал, что я военный, то поставил ультиматум: выбирай. Я подумал и подал рапорт об отставке.

- Пьесу поставили?

- Пьесу я доработал, когда после демобилизации переехал с женой к родне в Москву. К сожалению, постановка была «зарублена» главным политуправлением Советской армии сразу после премьеры в 55-м году и отозвана из всех региональных театров. Без объяснения причин. Я был в полной растерянности относительно своего будущего и весьма приуныл. Но вскоре мне помог драматург Николай Погодин, приняв без экзаменов к себе на курсы сценаристов при Главкино. За полгода я написал сценарий, который приобрела Свердловская киностудия. Первый мой фильм назывался «Очередной рейс». Там в главной роли снялся Георгий Юматов. Мы с ним быстро сдружились, и уже в картину «Офицеры» он попал по моей наволочке.

- Написал я в общей сложности восемь сценариев. Но скоро понял, что кино - не писательское ремесло, а режиссерское. Как бы хорошо ни был написан сценарий, режиссер и актеры все равно его переделают под себя. И тогда я начал писать прозу.

- Некоторые критики отмечают, что у вас, в прошлом кадрового военного, герои, как правило, плохо приспособлены к тяготам и лишениям военной службы...

- К таким можно отнести только девушек из повести «А зори здесь тихие...», но они были призваны по необходимости военного времени. Это другой разговор. Гибель моих необученных героев говорит

о цене нашей победы: один к пяти. Хотя на самом деле она выше. Но как чувствует себя Васков в армии? Для него - это родное. Фашисты не прошли, потому что нарвались на высококлассного специалиста в военном ремесле. Девочек они бы перерезали без единого выстрела. А на нем споткнулись. Мой главный герой - профессионал.

Таковы и Трофимов с Вараврой из фильма «Офицеры»... Жаль только, что картина была снята на черно-белую пленку, потому что для ее

своей выбор. И вот однажды мы с ним идем длинным коридором студии Горького. И вдруг перед нами распахивается дверь, и оттуда с хохотом выскакивает рыжеволосая девица, на бегу здоровается и исчезает за поворотом. Я спрашиваю Стаса: кто это? Он отвечает: да это Оля Остроумова. А я ему: Стас, это же наша Женя Комелькова. Он до этого снимал Остроумову в роли девятиклассницы в «Доживем до понедельника» и упорно видел в ней только школьницу. А мне она

много и успешно снимался, но повторить успех своего дебюта нигде не смог. В этом смысле он, к сожалению, остался актером одной роли.

- В последнее время многое поменялось в отношениях между бывшими противниками по Второй мировой войне. Вам приходилось принимать участие во встречах с немецкими ветеранами?

- В 91-м, когда я был народным депутатом, меня попросили встретиться с одним важным человеком. Это был бывший немецкий пехотный генерал, командовавший в войну дивизией на Северо-Западном, Ржевском, направлении. В этом проклятом месте наша армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше миллиона человек. Генерал оказался интересным собеседником, и, разбирая стратегию и тактику войны, мы сошлись во мнении (и позже это подтвердилось в публикации), что посылать 2-ю ударную армию под командованием генерала Власова под Ржев было со стороны нашего командования огромной тактической ошибкой. «Если бы вы только знали», - сказал мне немец, - как мы в генеральном штабе обрадовались, когда узнали, что вы загнали в болото одного из ваших самых талантливых генералов. Мы боялись, что его бросят на южное направление. Он там натворил бы дел».

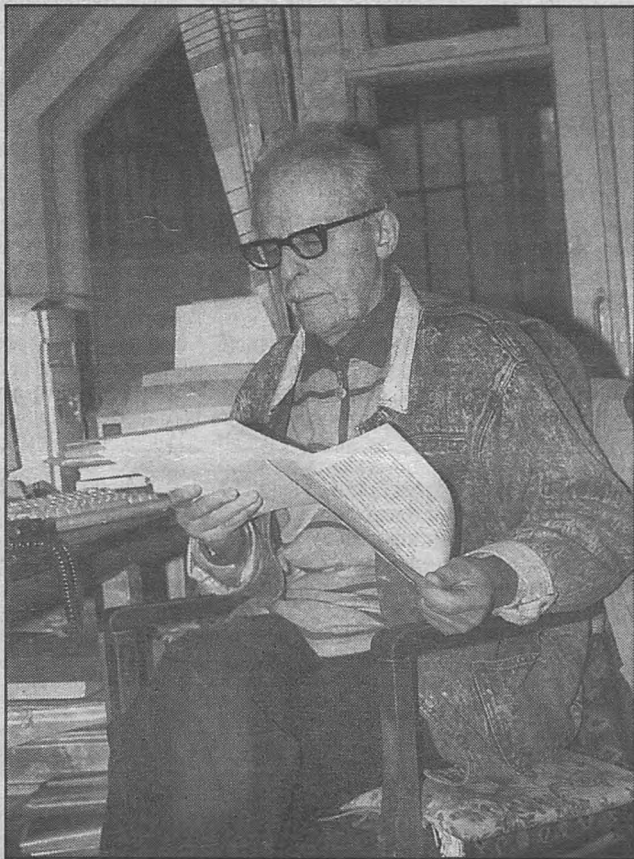
- Как, по-вашему, сегодня себя чувствует добряк Егор Полушкин из ваших «Не стреляйте в белых лебедей»?

- Он у меня еще тогда был вымирающим типом. Почему и погибает в финале. А сегодня слишком честный человек оказывается не приспособленным к жизни. Теперь благоденствуют Федоры Бурьяновы. Это их время. Отчасти и потому, что наша страна оказалась в страшном культурном провале. Как будто мы переместились в XVII век, когда еще не родился Пушкин. Посмотрите, как чудовищно низок уровень нашего телевидения, рассчитывающего только на обывателя. В любой стране мира (а я изездил их немало) обязательно есть три-четыре канала, которые работают на интеллигенцию, выпускающая в эфир проблемные, серьезные, познавательные программы. А у нас на всех каналах только лют из пустого в порожнее: любит - не любит, купит - не купит. И зачем так непомерно увлекаться уголовной хроникой в «семейное» время?

- Замечено ваше пристрастие к трагическим развязкам - мало кто из ваших героев умирает своей смертью. Вы сознательно избегаете счастливых финалов?

- Трагедия очищает душу, заставляя мучительно сопереживать герою. Когда Любимов в Театре на Таганке брался за постановку «А зори здесь тихие...», он мне сказал: «Мы должны сделать так, чтобы люди у нас не плакали, а молча ушли домой с неким эмоциональным зарядом. Дома пусть рыдают, вспоминая». Я потом смотрел несколько спектаклей подряд. В зале не было пролитой ни слезинки. Люди уходили потрясенные. Этого я и пытаюсь добиться в своей прозе.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУВЕН
Фото автора

режиссера Владимира Рогового это был дебют. Таковы были правила для новичков в советском кино. Будь она в цвете, ее судьба сложилась бы удачнее. И нужно было снимать две серии. В односерийном варианте многое пропало. Сценарий мне был очень дорог - это почти моя биография.

- С экранизацией «Зорь...» проблем не было?

- У повести изначально сложилась удачная литературная и театральная судьба: Юрий Любимов поставил замечательный спектакль в Театре на Таганке. А потом меня разыскал Станислав Ростоцкий, с которым я уже был хорошо знаком, и предложил сделать фильм. Сценарий уехали писать на Валдай в правительственный дом отдыха. Днем работали, а вечерами Стас, зайдящий рыбак, отсиживал с удочкой вечернюю зорьку. Потом съемочные процессы пошли своим чередом, но исполнительницу на роль Женю Комельковой найти никак не удавалось. Эта героиня в себе многое сочетает: красоту, озорство, бесстрашие, силу. Стас проводил бесконечные пробы и ни на ком не мог остановить

впервые попалась на глаза. На пробах она только спела романс под гитару и тут же была утверждена на роль.

- С подбором старшины Васкова было проще?

- Андрея Мартынова нашли быстро. Чудное русское лицо, крепкая фигура - Стас нахваливаться не мог. Андрей раньше играл в детском театре все больше медведей да чудиш. Но на пробах перед камерой замыкался: руки висели плетью, глаза перепуганные. До этого в кино он не снимался и определенных навыков работы не имел. Худсовет был неумолим - ищите другого исполнителя. Тогда Ростоцкий схитрил. Взял еще месяц для подготовки и каждый вечер репетировал с Андреем перед камерой. И лишь несколько человек знали, что в ней нет пленки. Вскоре Мартынов так освоился, что перестал замечать камеру. А когда худсовет посмотрел новые пробы Андрея, то обрадовался: это же друтой разговор, нашли-таки отличного актера. И тут Ростоцкий их ошарашил: это тот же парень, что и был раньше. Не поверили. А после премьеры Андрей Мартынов мгновенно стал знаменитым. И хотя потом он еще

Vasiliev Boris

8.07.2004